

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/oudvco>

Антиномии русской морфологии: коммуникативное vs когнитивное; синтагматическое vs номинативное

Голев Николай Данилович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

Scopus Author ID: 56642816700

ngolevd@mail.ru

Аннотация: Представлены результаты метамоделирования морфологической системы русского языка, в которой ее функционирование, устройство, генезис и развитие непротиворечиво определяются коммуникативной функцией языка. Проблема моделирования заключается в избрании методологического принципа, который кладется в основание модели в качестве главного. Коммуникативация морфологии означает ее определенное дистанцирование от отражательной (когнитивной, номинативной) функции языкового знака или какой-либо системы знаков. Синтагматическая сторона морфологического функционирования слова выходит на первый план при коммуникативном моделировании морфологической системы синтетических языков. Решающее воздействие синтагматики на морфологическую систему русского языка предопределяет то, что она относится к системам синтетического строя, характеризующимся жесткостью предписываемых ею алгоритмов построения текста. В основе синтетизма морфологии русского языка лежат такие синтагматические категории, как согласование и управление, тогда как примыкание (соединение слов и словоформ по смыслу) выступает в качестве основы тенденции к аналитизму. Данная тенденция трактуется в статье как тенденция плана содержания, а раздельнооформленность грамматического и лексического значений – как внешняя сторона данной тенденции. На этом синхронно-функциональном фоне рассматриваются некоторые диахронно-генетические проявления морфологической системы, связанные с морфологизацией внешних по отношению к морфологии явлений (единиц, отношений, категорий) и деморфологизацией внутренних морфологических явлений. Наибольшее внимание уделяется взаимоотношениям морфологии и синтаксиса.

Ключевые слова: морфологическая система русского языка, язык синтетического строя, аналитизация, морфологизация, деморфологизация

Цитирование: Голев Н. Д. Антиномии русской морфологии: коммуникативное vs когнитивное; синтагматическое vs номинативное. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 94–107. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-94-107>

Поступила в редакцию 18.08.2023. Принята после рецензирования 03.10.2023. Принята в печать 16.10.2023.

full article

Antinomies of Russian Morphology: Communicative vs. Cognitive; Syntagmatic vs. Nominative

Nikolay D. Golev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

Scopus Author ID: 56642816700

ngolevd@mail.ru

Abstract: The article presents the results of metamodeling of the morphological system of the Russian language. This communicative approach to morphology means distancing it from the reflective (cognitive, nominative) function of a linguistic sign or any sign system to give way to the syntagmatic side, at least as far as synthetic languages are concerned. As a synthetic language, Russian demonstrates a certain rigidity of the text construction algorithms. The synthetic nature of Russian morphology is based on such syntagmatic categories as government and agreement,

while the adjunction, i.e., connection of words and word forms in meaning, strengthens the trend towards analyticism. This trend belongs to the content while the separate formation of grammatical and lexical meanings are its external side. Against this synchronous and functional background, the article discusses some diachronic and inherent manifestations of the morphological system. These manifestations are associated with the morphologization of phenomena that are external to morphology, i.e., units, relationships, and categories, and the demorphologization of internal morphological phenomena. The author focuses mostly on the correlation between morphology and syntax.

Keywords: morphological system of the Russian language, language of synthetic structure, analysis, morphologization, demorphologization

Citation: Golev N. D. Antinomies of Russian Morphology: Communicative vs. Cognitive; Syntagmatic vs. Nominative. *SibScript*, 2024, 26(1): 94–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-94-107>

Received 18 Aug 2023. Accepted after peer review 3 Oct 2023. Accepted for publication 16 Oct 2023.

Введение

Основная цель исследования заключается в мета-моделировании морфологической системы русского языка. На самом высоком этапе научной абстракции проблема моделирования заключается в избрании какого-либо методологического принципа (подхода), который кладется в основание модели в качестве главного. Как правило, такой подход находится в антиномических отношениях со своим противочленом. В нашем случае мы находим основание моделирования в оппозиции *коммуникативная функция* – *когнитивная функция* [Колмогорова и др. 2017]. При построении модели русской морфологии коммуникативную функцию признаем как ведущую (базовую), когнитивную – как вытекающую из нее. В рамках статьи мы не обладаем ни возможностью, ни необходимостью разворачивать данный тезис, имеющий сложную историю. Для морфологической науки достаточно сослаться на полемику, развернутую А. Т. Кривоносовым по поводу учения Е. С. Кубряковой о частях речи как когнитивных классах слов: «автор пытается древнюю проблему частей речи поставить в связь с человеческим мышлением и сознанием и показать, как классы слов соотносятся с отраженной в них реальной действительностью» [Кривоносов 2001: 2].

В настоящей статье морфологическая система русского языка (включая систему частей речи) в первую очередь детерминируется ее коммуникативной функцией, что, на наш взгляд, обладает большими объяснительными возможностями по отношению к ее сущности, чем детерминированность когнитивной функцией. Более того, как будет показано далее, коммуникативация морфологии означает дистанцирование ее от отражательной (номинативной) функции, от которой она отгорожена множеством опосредующих детерминационных звеньев.

Считаем важным указать, что у автора уже был опыт макро-моделирования подсистем русского языка в связи с антиномическим описанием русской орфографии. Данная подсистема рассматривалась в книге «Антиномии русской орфографии» в аспекте таких общих антиномий, как *содержание – форма, отражающее – условное, диахронное – синхронное, внешнее – внутреннее* [Голев 2004]. Названные антиномии находят проявление и при описании морфологических феноменов. Некоторые из них были обозначены и рассмотрены нами и на другом неморфологическом материале. Так, оппозиция *коммуникативное – когнитивное* находит проявление в оппозициях значения и дискурсивного функционирования слова [Голев 2019], значения и значимости, модуса и диктума [Голев, Григорьева 2022].

Результаты

Синхронно-генетическое моделирование морфологии

Проиллюстрируем нашу позицию примером синхронно-коммуникативной интерпретации именно частей речи. О. Есперсен в книге «Философия грамматики» приводит пример трансформации (всего 10 вариаций) частеречной принадлежности слов в зависимости от их коммуникативной позиции (актуального членения предложения):

- *He moved astonishingly fast* – Он двигался удивительно быстро;
- *He moved with astonishing rapidity* – Он двигался с удивительной быстротой;
- *His movements were astonishingly rapid* – Его движения были удивительно быстрыми;
- *His rapid movements astonished us* – Его быстрые движения удивляли нас [Есперсен 1958: 101].

Вряд ли может вызвать сомнение следующий тезис: причина варьирования частей речи лежит не в особенностях языковой картины мира и речевого мышления, а в коммуникативных интенциях автора речевого произведения, расставляющего акценты в тематическом образе высказывания.

Обслуживание тема-рематической структуры высказывания – главное предназначение частей речи, этому служит и словообразование, и морфология. В языках синтетического типа они обычно действуют в симбиозе¹, однако не исключено, что морфология выполняет данную функцию самостоятельно. Фиксация темы – первичная функция существительного, но, скажем, инфинитив маркирует тему без образования самостоятельной субстантивной лексемы, ср.: *курение вредно для здоровья, курить – здоровью вредить, курение – вред*. Разумеется, подобная ситуативная тематизация и рематизация слов может стать устойчивой для какой-либо лексической единицы, регулярно употребляемой в определенной позиции, что приведет к пополнению лексического состава той или иной части речи как собственно морфологической сущности – т. е. части речи (морфологической совокупности лексем).

Весьма отдалены от когнитивной (номинативной) функции и приближены к собственно коммуникативной многие местоимения [Синько 2008], прежде всего указательные (*тот, такой, другой, столько*), личные (*я, ты, кто*) и лично-указательные (*он, она, оба*), служебные слова, слова-связки. Все они не отражают непосредственным образом реальной действительности, но обслуживают внутреннюю речевую действительность – коммуникативные потребности адресанта и адресата высказывания.

Такой подход к морфологии подтверждает ее синхронно-генетический план, связанный с речемыслительной деятельностью, порождением речи. Из многочисленных моделей порождения речи наибольшими объяснительными возможностями, с нашей (коммуникативной) точки зрения, обладает модель С. Д. Кацнельсона: «В процессе порождения речи можно выделить три основных ступени: речемыслительную (или семантическую), лексико-морфологическую и фонологическую. Первая ступень охватывает все собственно семантические процессы, начиная с квантования элементов сознания (знаний) и кончая формированием глубинных

семантико-синтаксических структур. На второй ступени совершаются процессы отбора лексических единиц и грамматических форм, опосредующие переход от семантико-синтаксических структур предшествующей ступени к конкретным предложениям. На третьей ступени имеет место выработка глобальных произносительных схем в опоре на звуковые схемы отдельных словоформ, синтагм и фонетических фраз» [Кацнельсон 2004: 123]. Как видим, морфологические механизмы включаются на втором (лексико-морфологическом) этапе движения от глубинных структур к поверхностным. Этот этап занимает промежуточное положение между синтаксическим (формирование глубинных семантико-синтаксических структур: тема – рема, члены предложения) и фонологическим. Таким образом, согласно С. Д. Кацнельсону, выбор слова (как лексико-семантической сущности) и его текстовое оформление (морфологизация в синхронном смысле) составляют единство.

Диахронно-генетическое моделирование

Можно предположить, опираясь на вышеприведенные тезисы, что морфологическая система в целом формировалась по аналогичному алгоритму как результат потребности в переходе от структурирования речемысли на абстрактно-семантическом глубинном уровне к формированию конкретных поверхностных структур (предложения, фразы), предназначенных для передачи мысли адресату [Демьянков 1994]. В качестве рабочей гипотезы, объясняющей этот алгоритм, можно допустить предшествование языкам синтетического типа (т. е. языкам с сильной морфологической системой) языков инкорпорирующего и аналитического типов. В первых предложениях близки слову, отдельные словоформы в них не выделены, во вторых – слова выделены, но морфологически не оформлены [Реформатский 2018]. Оппозиция аналитизма и синтетизма в морфологии будет рассмотрена далее.

Моделирование морфологической системы

Проецируя сформулированные выше положения в плоскость языка как системно-структурного образования [Солнцев 1972], получаем такую морфологическую картину, отражающую детерминационное взаимодействие синтаксиса, морфологии и лексики (рис.).

¹ Этот симбиоз в языках синтетического типа олицетворяют морфемы – в первую очередь аффиксы и суффиксы. Границы между формообразовательными и словообразовательными аффиксами расплывчаты и подвижны.

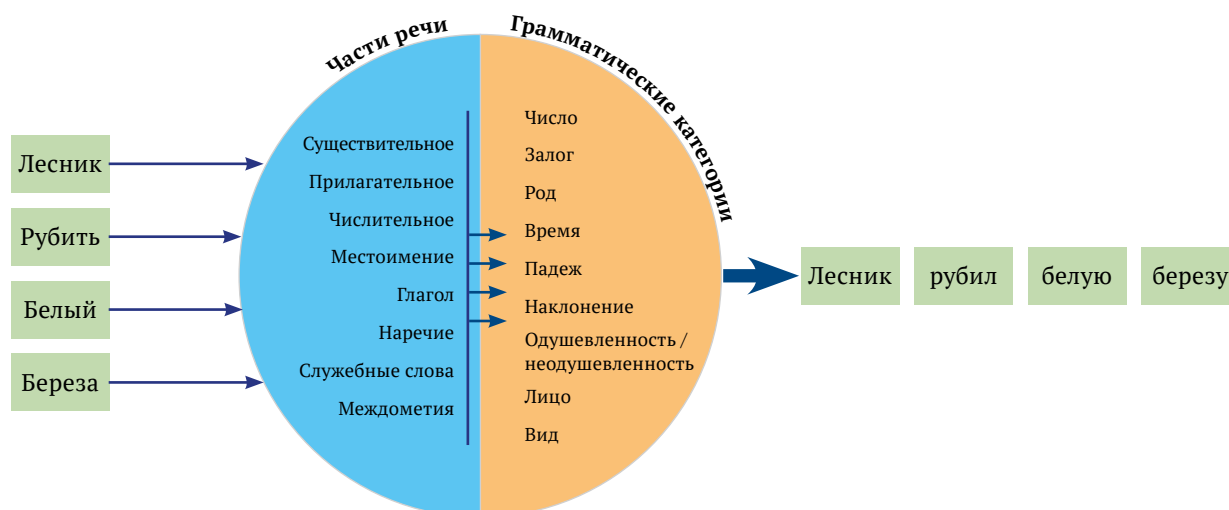

Рис. Функционирование морфологической системы русского языка
Fig. Morphological system of the Russian language

Левая (лексическая) часть схемы графически представляет совокупность морфологических лексем (лексику, словарь), потенциальных единиц текста², нацеленных на организацию текстовых единиц. Правая (синтаксическая, шире – текстовая) – фрагмент текста (предложения, высказывания, контекста) в его синтаксическом³ плане. Реализация синтаксического потенциала предполагает прохождение через морфологический код (систему грамматических правил). Данный код представляет собой сложно организованную систему, в центре которой находятся подсистемы частей речи (морфологических классов лексем) и грамматических категорий, обобщающих в себе синтаксические отношения. Прежде чем стать единицей текста, лексема должна пройти содержательную и формальную идентификацию, в соответствии с которой лексема находит свою грамматическую форму и становится словоформой.

Термин *грамматика* объединяет синтаксис и морфологию, при этом синтаксис формирует план содержания (функционально-семантическую сторону) этого объединения, а морфология – план выражения (морфология – букв. учение о формах; по В. В. Виноградову – грамматическое учение о слове). Любое слово несет в себе (помимо номинативного, стилистического и др.) грамматический код, слова распределяются ко всему прочему по частям речи, словоизменительным и / или согласовательным классам и т. п.⁴ Чтобы выполнять такую функцию, слово обладает способностью видоизменяться, по этой причине каждое слово существует в совокупности грамматических форм, называемой грамматической лексемой. Например, лексема качественного прилагательного в русском языке имеет, как правило, 28 таких видоизменений: *белый, белыми, бела* и т. п. В конкретном предложении (тексте) лексема реализуется в одной

² Говоря о морфологических лексемах, имеем в виду лексему как совокупность словоформ, в отличие от лексемы – единицы лексического уровня, где она предстает как совокупность лексико-семантических и стилистических вариантов. Лексемы зафиксированы на схеме в начальной форме, как это принято в метаязыке традиционной морфологии (в частности, в лексикографии).

³ Возможно, в данной оппозиции термин *синтаксический* точнее был бы с более широким содержанием. Ср. аспекты семиотики (по Ч. Пирсу и Ч. Моррису): семантика, прагматика, синтактика; где синтактика – это все проявления синтаксиса, как структурно-позиционные (тема / рема и члены предложения), так и синтагматические (связи слов в словосочетании и предложении).

⁴ Толковые словари, представляющие слово, фиксируют этот код грамматическими пометами, например: *А нескл., ср.* – название первой буквы русского алфавита: *от а до я*. Помета *нескл., ср.* означает, что *А* – несклоняемое существительное среднего рода. Эта информация фиксирует грамматический потенциал данного слова, его типовую синтаксическую позицию как существительного (подлежащее, дополнение) и синтагматическую связь (детерминирует согласование по среднему роду, например: *нечетко написанное А*).

из своих потенциальных форм [Копелиович 2011: 73], соответствующих ее синтаксической и синтагматической позиции в тексте. Под синтаксической позицией имеется в виду структурно-семантическая позиция в предложении (главный, второстепенный член предложения), под синтагматической – позиция зависимости / независимости от других словоформ. Лексема, реализованная в контексте, называется словоформой. Отношения *лексема – словоформа* – частный случай отношений в оппозиции *язык – речь*. Данная оппозиция соотносительна отношениям *фонема – звук речи, морфема – морф, слово – конкретное словоупотребление*. Например, в контексте *Я люблюсь белыми розами* лексема *белый* представлена одной из своих словоформ (*белыми*), обеспечивающих фиксацию позиции дополнения (по отношению к сказуемому *любуюсь*) и связанность со словоформой *розами* по типу согласования по числу и падежу.

В традиционной морфологии части речи трактуются как морфологические классы лексем, обладающих общностью набора грамматических категорий и парадигм и способностью в соответствии с этим видоизменяться по определенному типу⁵. Наличие данного набора означает способность лексемы заполнять синтагматические и структурно-семантические позиции. В первом случае это означает маркировать связи с другими словами, во втором – быть тем или иным членом предложения. Отсюда тесная связь частей речи с синтаксическими отношениями и лексической семантикой.

Потребность маркировать члены предложения создает механизм видоизменений внутри части речи, например, формирование на базе глагола таких его морфологических разрядов, как причастие, деепричастие, инфинитив; на базе прилагательных – кратких форм с необходимостью изменения синтаксических позиций; на базе наречий – слов категории состояния; на базе междометий – глагольных междометий.

Грамматические категории квалифицируют отнесенность словоформы к определенному типу отношений между словами или к позиции в тексте, зафиксированной морфологической системой в качестве обязательных, регулярных и стандартных

для организации текста. В число таких отношений входят прежде всего синтагматические отношения зависимости или независимости словоформ. К отношениям зависимости относятся согласование и управление, составляющие основу морфологии языка синтетического типа, к которому относится русский язык. Синтагматику в формате согласования обслуживают грамматические категории рода, числа, лица, падежа, одушевленности; в формате управления – грамматические категории падежа, в уникальной позиции – числа (*два дома, 21 рубль*). Синтагматику в формате примыкания морфологическая система синтетического типа не обслуживает в прямом смысле этого слова, т. к. непосредственных морфологических средств для маркирования примыкания в таких системах нет. Преобладание примыкания означает переход в аналитическую систему.

Помимо синтагматики система грамматических категорий русского языка обслуживает структурно-семантические позиции (позиции членов предложения и др.), сюда относятся категории падежа (именительный падеж – главный член предложения, косвенные падежи – второстепенные члены предложения), полные и краткие формы прилагательных и причастий, которые противопоставлены как выполняющие в основном функции определения и части составного сказуемого (*задача трудна, но была решена*). Структурно-семантические позиции высказывания, связанные с его актуальным членением (тема / рема), обслуживает категория глагольного залога (*рабочие строят дом / дом строится рабочими*). Коммуникативные позиции (роль в коммуникативной ситуации) обслуживают категории времени, лица и наклонения (в последней – опосредованно). Номинативные позиции фиксируют грамматические категории числа, вида, степеней сравнения.

Морфологизация – процесс вхождения неморфологических элементов и отношений в морфологическую систему и приобретения ими статуса морфологических. Приобрести такой статус означает войти в уже сформированные категории и соответствующие ей парадигмы граммем, или сформировать новые категории, парадигмы, грамлеммы.

⁵ Зависимость данного класса от его семантических и синтаксических особенностей для морфологической системы является генетическим фактором, т. е. фактором, определившим принадлежность лексемы к данной части речи и поддерживающим эту устойчивую связь в настоящее время. История русской морфологии иллюстрирует как ослабление этой связи и принадлежность лексемы именно этой части речи, так и формирование новых связей данной лексемы. Примечание касается не только отдельных лексем, но и всей части речи или отдельных ее классов.

Морфологизация синтаксиса и лексики.

Делексистализация и десинтаксистализация

В настоящей статье остановимся только на одном фрагменте межуровневого взаимодействия в системе русского языка – между морфологией и синтаксисом, соответственно – на морфологизации синтаксиса и его десинтаксистализации. Исходным положением для нас выступает тезис В. В. Виноградова, так представлявшего генетические взаимоотношения морфологии и синтаксиса: «Морфологические формы – это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. История морфологических элементов и категорий – это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. Морфологические категории неразрывно связаны с синтаксическими» [Виноградов 1986: 34]. Важно обратить внимание на то, что В. В. Виноградов в контекст взаимоотношений морфологии и синтаксиса включил также лексику, полагая, что это не случайное включение.

Беря за основу моделирования морфологической системы данные положения, мы тем не менее далее намерены интерпретировать их, стремясь к последовательной реализации двух детерминационных линий – коммуникативной и морфологической – в их диалектическом единстве. Считаем важным еще раз подчеркнуть определенную независимость коммуникативной линии от когнитивных⁶ и семантико-номинативных оснований морфологии, ее стремления быть не отражательной, а условной по отношению к внешним детерминантам.

Наиболее ярко иллюстрируют диахронную морфологизацию лексики и синтаксиса возвратные глаголы. Постфикс *-ся* восходит к лексеме, постепенно утратившей синтаксическую самостоятельность и трансформировавшейся в словообразовательную морфему (аффикс), дрейфующую в сторону статуса формообразовательных аффиксов. И. Г. Милославский трактует аффикс *-ся*, имеющий значение страдательного залога, как окончание [Милославский 1981: 185; 1989: 482]. Похожая «биография» у частицы *бы*, ставшей системным маркером сослагательного наклонения (*шел бы*), менее морфологизирована частица *-ка*

(*приди-ка, скажи-ка*), еще менее – *таки* и *было* (*пришел-таки, пришел было*). Примеры делексистализации и десинтаксистализации и, как следствие, деморфологизации продолжают сращения (*умалишенный, сумасшедший, трехлетний, в сердцах*); деморфологизация окончаний и трансформация их в субформы, а в случае с регулярным воспроизведением – в словообразовательные аффиксы (*трехдневный, вживую*).

Вопрос о промежуточном статусе между лексикой, синтаксисом и словообразованием многих композитов немецкого языка глубоко и интересно освещает В. М. Павлов [Павлов 1985]. Такие процессы хорошо коррелируют с процессами функционального взаимодействия и генезиса единиц морфемного и фонетического уровня: деморфемизации морфем – превращения их в незначимые субморфы; морфемизации субморфов – превращения их в регулярные аффиксы [Голев 2012].

Далее крупным планом рассмотрим переходные явления, связанные со взаимодействием морфологической системы с другими системами и подсистемами русского языка. Любая система состоит из отношений и единиц, стремящихся сформировать целостные системные образования (центростремительная, синтропическая тенденция) и неизбежно расходящихся в разные стороны (центробежная, энтропическая тенденция). Морфологическая система русского языка в силу первой тенденции втягивает в себя элементы и отношения смежных, а также вышестоящих (более крупных) и нижестоящих систем. В силу энтропической тенденции ее элементы и отношения, утрачивая внутреннюю энергетику, целостность функциональных связей элементов и сторон, аннигилируют, приобретая свойства отношений и элементов новых систем. По отношению к морфологии синтропическую тенденцию представляют процессы морфологизации единиц и отношений других уровней, энтропическая тенденция проявляется в процессах деморфологизации.

Смежными системами по отношению к морфологии выступают лексическая и синтаксическая системы, с ними морфология взаимодействует прежде всего в содержательном (функциональном и семантическом) плане. Более опосредованные связи у морфологии – с морфемикой и фонетикой, последние в большей мере проявляются в материальном плане морфологической

⁶ Ср. название книг, в которых коммуникативное имплицитно противопоставлено: «Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (философские основы теоретической грамматики)» [Кривоносов 2001]; «Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира» [Кубрякова 2004].

системы. Исторически такая связь, возможно, была более сильной⁷. Таким образом, считаем перспективным увязать процессы морфологизации и деморфологизации с аналогичными процессами на других уровнях системы русского языка – с лексикализацией и деликсикализацией, синтаксизацией и десинтаксизацией, морфемизацией и деморфемизацией, фонетизацией и дефонетизацией – и на этом фоне выявить функциональную и структурную специфику морфологической системы синтетического типа, к которому относится морфология русского языка. В настоящей статье ставим задачу рассмотреть явление аналитизации (тенденции к аналитизму) русской морфологии. Сразу подчеркнем, что, говоря о процессах, имеем в виду не диахронический, а синхронный смысл перечисленных терминов, точнее – синхронно-функциональную детерминацию единиц одного уровня по отношению к единицам другого уровня. Такая детерминация, разумеется, часто становится начальным этапом генетических процессов.

Роль синтагматики в устройстве, функционировании и генезисе морфологической системы русского языка. Аналитизация морфологии как усиление примыкания

В основание предлагаемой синтагматической модели русской морфологии мы кладем оппозицию номинативной и синтагматической деятельности. Ее предложили члены Пражского лингвистического кружка: «Слово, рассматриваемое с функциональной точки зрения, есть результат *номинативной лингвистической деятельности*, неразрывно связанной иногда с синтагматической деятельностью» [Звегинцев 1965: 127]. Для нашей концепции ограничитель *иногда* является нерелевантным: мы находим зависимость морфологии от синтагматики ее глобальным свойством. Ср.: «Сочетание слов, если речь не идет об устойчивом сочетании, возникает в результате синтагматической деятельности» [Звегинцев 1965: 128]. Из указанного вытекает, что морфология прямо обслуживает именно синтагматическую деятельность и лишь

косвенно – номинативную. Ср. выделение номинативно сильных и синтагматически сильных категорий во многих работах, см. [Бондарко 2005: 44–48; Милославский 1981: 17–19].

Тенденция к деноминативности грамматических категорий и значений проявляется в том, что номинативно сильные грамматические категории часто трансформируются в номинативно слабые, но синтагматически сильные. Особенно заметна эта тенденция в категории числа, в которой номинативность явно деактуализируется, в частности – по отношению к существительным, обозначающим несчитающиеся предметы (*singularia tantum*: абстрактные, вещественные существительные) или считающиеся, но неизменяемые по числу (*pluralia tantum*: *ножницы*, *сумки*). Как синтагматически сильная и номинативно слабая категория числа проявляется в управляемых формах единственного и множественного числа (*три дома*, *пять домов*) и согласуемых формах в косвенных падежах имен числительных (*о трех домах*).

В оппозиции номинативности и синтагматичности коммуникативное моделирование является отчетливо синтагматикоцентрическим. В модели порождения речи С. Д. Кацнельсона лексико-морфологический этап предполагает переход от структурно-семантического конструирования (членения) речемысли к синтагматическому оформлению высказывания. В этом плане данную модель можно представить следующим образом: холистический образ речемысли развивается в направлении его структурно-функционального членения (тема, рема), далее – структурно-семантического членения (члены предложения) и, наконец, внутри него на микротемы и микропредложения, воплощенные в словосочетаниях. В синхронно-генетическом (порождающем) плане словосочетания типа *мир видим*, *бог невидим*, *бог создал* можно трактовать в духе грамматики Пор-Рояль как пропозиции сложного высказывания *Невидимый бог создал видимый мир*. Ср. трактовку таких протопредложений у Н. Хомского: «Среди предложений, в которых как субъект, так и атрибут состоят из нескольких слов, встречаются предложения,

⁷ Так, Ф. Бопп в «Сравнительной грамматике» выделял в санскрите и родственных ему словах глагольные и местоименные корни. Первые являются исходной базой глаголов и имен, вторые – местоимений и служебных слов [Бопп 2017: 19]. При этом Ф. Бопп находил связь данной оппозиции с оппозицией гласных и согласных звуков, которые тем самым семасиологизировались на грамматическом уровне. В частности, гласные ассоциируются у Ф. Боппа с глаголом, ср.: «уже в древнейший период языка было достаточно одного гласного, чтобы выразить глагольное понятие» [Бопп 2017: 20]. На этом фоне значимым представляется тот факт, что в русском языке финалы именных основ являются исключительно консонантными, а в глагольных происходит сложное взаимодействие финалей при общей тенденции к консонантизации, которая в современном русском языке достигается в разных словоизменительных классах по-разному: усечением гласной в основе инфинитива (*держа-* / *держ-*) или наращением согласного, в современном русском языке таковым является исключительно йот (*да-* / *даж-*).

содержащие, по крайней мере в нашем сознании (*dans nostre esprit*), несколько суждений, каждое из которых можно превратить в отдельное предложение» [Хомский 2005: 74].

В генезисе таких протопредложений номинативность предшествующих этапов ослабляется: согласование, управление, примыкание – во многом условно-формальные категории по отношению к отражательному содержанию (субъектность, объектность, инструментальность). Это объясняет, почему в языках синтетического типа на первый план выдвигаются оппозиции формальной зависимости слов друг от друга⁸. Уместно заметить в связи с этим, что акцент на частных значениях и оттенках, например, отдельных частей речи (местоимений, наречий, предлогов, частиц), категорий, грамматических форм и словоформ, активно представленных в традиционной морфологии, является менее актуальным в синтагматикоцентрической морфологии.

Для последней, скажем, разделение субъектного, объектного, предикативного родительного падежа, как и выделение наречий или предлогов места и времени, частных значений совершенного и несовершенного вида, малоактуально: такие оттенки находятся на периферии (или вовне) грамматического содержания, они функционально неустойчивы и во многом являются металингвистической проекцией на них семантики контекста. Ядром (сущностью) морфологических категорий и других единиц морфологии является синтагматическое содержание. Так, сущность дательного падежа в словосочетаниях *помощь другу и другу не спится* в формальном вопросе *кому*, а не в частных значениях объекта и субъекта. Такая привязка морфологии к синтагматике является внутренним признаком языков синтетического строя, в отличие от языков аналитического строя.

Таким образом, синтагматические связи формируют непосредственный план содержания морфологических систем синтетического типа. Его составляет противостояние двух типов связи: согласования и управления (с одной стороны) и примыкания (с другой стороны). В этом смысле тенденция к аналитизму

означает усиление роли примыкания на фоне ослабления роли согласования и управления. Последние обеспечивают жесткость (обязательность, регулярность [Зализняк 1967: 25–26]) синтетических морфологий. В частности, управление обуславливает сам факт наличия и устройство категории падежа, согласование – категории рода, числа, одушевленности⁹. Управление и согласование объединяет общий принцип детерминационного устройства синтагматических сцепок: главное слово или словоформа (Д-1) содержит в себе определенную внутреннюю детерминирующую сему, а зависимое слово (Д-2) ставится в соответствующую форму. Так, глагол *радоваться* имеет внутренний дательный падеж, *восхищаться* – творительный, предлог *до* – родительный падеж, *при* – предложный; словоформа сравнительной степени прилагательных и наречий требует родительного падежа (*выше дома*); лексема *береза* имеет внутренний женский род, требующий постановки зависимых прилагательных и глаголов (Д-2) в соответствующий род, а словоформа *березу* требует согласования не только по роду, но и по числу и падежу, а в винительном падеже множественного числа – и по признаку неодушевленности. Согласование и примыкание в рамках данной концепции трактуются в расширительном смысле (см. пример про местоимение *он* в сноске 12).

Управление и согласование создают жесткость морфологическим системам синтетического типа, тогда как примыкание олицетворяет слабость и мягкость связей. С этим тезисом коррелирует идея противопоставления двух грамматик текста, высказанная Л. В. Сахарным: левополушарной, жесткой, подчиненной логическим процедурам, и правополушарной, мягкой, подчиненной подсознанию и интуиции [Сахарный 1994: 13]. Обязательность при этом часто меняется на возможность выбора, нередко сопровождаемого стилистической дифференциацией [Сахарный 1994]. Стилистические оппозиции противопоставлены грамматическим, их появление знаменует разрушения грамматик синтетического типа. Таковы, например, категории полноты / краткости прилагательных (в отличие от причастий¹⁰),

⁸ Полагаем, что здесь вполне корректным является утверждение: предшествующие этапы нацелены на обеспечение смысловой цельности речевого произведения, тогда как лексико-морфологический этап обеспечивает его связность.

⁹ Согласование по падежу не всегда последовательно в плане обязательности / регулярности, например, у числительных и местоимения *он* согласование конкурирует с управлением. Большинство числительных не согласуются по роду и числу, а по падежу согласуются лишь в косвенных падежах, а в именительном и винительном падежах управляют существительным. Местоимение *он* согласуется по роду и числу, но его падежные формы не зависимы от падежа заменяемого существительного.

¹⁰ Краткие причастия заняли жесткую позицию в системе залоговых форм, они составляют граммему переходных глаголов совершенного вида в позиции сказуемого в страдательных конструкциях (*работа выполнена хорошо*).

собираемых числительных. Приведем примеры «смягчения» жесткой синтагматики:

- *Ее звали Машей; И так, она звалась Татьяной* (управление) / *Ее зовут Маша; Ее имя (есть) Саша* (примыкание).
- *Столб выше дуба* (управление) / *Дуб выше, чем дом* (примыкание).
- *К двум прибавить два равняется четырем; Один плюс два равно трем* (управление) / *Четыре плюс один равно пять; Три минус два равняется (есть) четыре* (примыкание) / *Трижды два шесть* (абсолютный аналитизм).
- *Это не есть плохо* (примыкание) / *Это не есть плохое* (согласование) (связка *есть* больше деморфологизирована, чем связка *нет*, сохранившая глагольное управление родительным падежом).
- *Наблюдение птиц полезно* (согласование) / *наблюдать птиц – (это) полезно* (примыкание).
- *Поэт была седая и худая; Наша врач уже приняла пациентов.*

Считаем подобного рода фразы (последний пример) и словосочетания примерами с отсутствием согласования (как и во фразах типа *я шла, ты красивая*), т. к., например, род глагола *шла* не зависит от рода лексемы *я*, так же как и во фразах с существительными так называемого общего рода *егоза вертелся / егоза вертелась* идет согласование не по форме, а по смыслу. Такое согласование, на наш взгляд, функционально приближается к примыканию. Возможна и трактовка его как ослабленного согласования. Вопрос о границах данных форм синтагматической связи (согласования по смыслу и примыкания) остается для нас открытым.

Независимость употребления родовых форм прилагательных и глаголов (то, что выше было обозначено термином *примыкание* в широком смысле) характерно для русского языка:

- *Шла бабушка с внуком* (наличие формального согласования); *шли бабушка и внук; два веселых гуся; княгиня Вера приказали* (отсутствие формального согласования).
- *Не родись красивой; смелым везет* (согласование по роду и числу – исключительно смысловое; причем смысловое определяемое не называется вообще, оно остается на уровне пресуппозиции; по сути, в схеме С. Д. Кацнельсона его формирование находится на досинтаксическом этапе).

Полагаем, что неопределенно-личные сказуемые таким образом согласуются по числу:

- *Встречают по одежке, провожают по уму; Там нас накормили и одели.*

Отдельного комментария в синтагматической концепции заслуживают безличные конструкции, в которых появление числовой формы и родовой (в прошедшем времени) не связано напрямую ни с синтагматикой, ни с семантикой (смыслом):

- *Смеркается; Из окна дуло; Ей не лежит.*

В таких конструкциях произошла морфологизация позиционно-синтаксического значения рода и числа, возникшая, вероятно, в нейтральной в данных парадигмах позиции, вследствие чего появляется неформальное согласование по смыслу.

Промежуточные случаи создают сочетания числительного и существительного:

- *Пришел миллион человек* (формальное согласование); возможно: *Пришла тысяча человек*, но невозможно: *Пришли / пришло тысяча человек*. Лексема *тысяча* сохраняет свои субстантивные свойства.
- *Оба друга ушли; Много друзей ушло* (согласование по смыслу) / *Двадцать один друг пришел* (формальное согласование).

В некоторых случаях «смягчение» жестких связей может наблюдаться внутри одного предложения, ср.:

- *Я восхищаюсь хищниками, такими как лев, тигр, пума.*

Творительный падеж существительного хищниками и местоимения-адъектива *такими* жестко синтагматичен; именительный падеж словоформ *лев, тигр, пума* является независимым, возможно, примыкающим.

В предлагаемой нами концепции ослабленное управление и согласование находятся на периферии поля примыкания, например, во фразе *Артур бежал быстрее, чем Ян* именительный падеж имени *Ян* теряет прямую детерминационную связь с именительным падежом имени *Артур* и функционирует как синтагматически независимый.

Примыкание (равно как и согласование с управлением) понимается в расширительном значении: как связь по смыслу вне условно-формальной детерминации синтагматикой.

Отдельного обсуждения в данной проблеме заслуживает вопрос о взаимодействии грамматики и стилистики. Стилистика предполагает возможность выбора говорящим формы (*он был красив / красивый / красивым*) и тем самым противостоит жесткой грамматике, базирующейся на принципах обязательности, регулярности, стандартности. Стилистика – главный энтропийный фактор для языков синтетического типа. Возможность выбора *красив / красивый; Пришли пять студентов / пятеро студентов* свидетельствует

о функциональной деградации полноты / краткости и собирательности как грамматических категорий. Собирательные числительные сохраняют свою синтагматическую жесткость в ограниченной зоне – в сочетании с существительными *pluralia tantum*: *четыре ножниц* (не *четыре ножницы*). Здесь уместно еще раз вернуться к идее Л. В. Сахарного о двух грамматиках: «Левое полушарие обрабатывает информацию с помощью жестких формально-логических операций... правое же полушарие обрабатывает информацию с опорой на подсознание. Отсюда – "мягкость" операций, континуальность структуры "единиц", иные принципы организации "уровней" и тому подобные феномены, непривычные для "строгих" традиционных грамматик» [Сахарный 1994: 13]. Стилистика в грамматике – проявление «мягкости» последней, формирование в ней элементов континуальности – вариативности, вследствие чего возникает необходимость регулирования ее нормативными механизмами, кодификацией. Их можно трактовать как компенсацию утраты синтагматической жесткости.

В настоящем подразделе статьи считаем уместным подчеркнуть, что синтагматика является конституирующим признаком и для выделения частей речи и морфологических разрядов, внутри них многие из них характеризуются своим набором синтагматических признаков. О таковых для существительных, числительных, прилагательных было сказано ранее. Этот ряд легко продолжить. Предлоги *вроде, наподобие*, в отличие от союзов *как, словно, будто*, управляют определенными падежными формами существительных – это их конституирующее свойство: каждый предлог имеет условно-синтагматическое свойство – внутренний падеж, как существительное имеет внутренний род, а местоимение – лицо, в соответствии с которыми они детерминируют род и лицо зависимых словоформ. Этим же свойством предлоги отличаются от наречий (*она прошла мимо; она прошла мимо меня*). Полагаем, что в синтагматическом плане слова категории состояния имеют основания быть выделенными в самостоятельную часть речи, отличную от наречий, т. к. управляют дательным падежом существительных.

Тезис о конституирующей роли синтагматики в морфологической системе проецируется и на отдельную словоформу, ср. у А. А. Зализняка: «Словоформы (абстрактные и конкретные) мы будем называть иначе

синтагматическими словами (абстрактными и конкретными)» [Зализняк 1967: 20]. С синтагматической точки зрения словоформы (или лексемы) *быть / был* и *есть / нет* не тождественны в плане их частеречной принадлежности: *быть / был* и *есть / нет* в большей мере остаются глаголами, т. к. сохраняют внутренний падеж: творительный (*быть другом*) и родительный (*нет друга*). Связка *есть* анализировалась в большей степени, ее закрепляет системное нулевое выражение связочной позиции (*это не хорошо; он мне друг*). Интересна в этой связи точка зрения Г. И. Пановой, относящей к аналитическим глаголам так называемые глагольные междометия: *дёрг, скок, кувырк, шасть*¹¹. Трактовка словоформ сравнительной степени качественных прилагательных (*белый*) как самостоятельных лексем – производных наречий (*белее*) [Милославский 1981: 119–120] – имеет и синтагматическое обоснование – лексемы типа *яснее* управляют формой родительного падежа существительного (*белее снега*).

Все отмеченное позволяет нам определить оппозицию аналитизма и синтетизма в морфологии не как противопоставление в плане выражения грамматических значений. В традиционной морфологии названная оппозиция представляется как оппозиция цельнооформленности (синтетизм) и раздельнооформленности (аналитизм): *напишу / буду писать, быстрее / более быстрый*. Предлагаем рассматривать его как противопоставление в плане содержания в одной из его разновидностей – синтагматической.

Отдельно рассмотрим фактор неизменяемости имен, которым часто иллюстрируется тенденция к аналитизму. Данная тенденция традиционно увязывается с увеличением удельного веса материальной неизменяемости существительных и других имен по падежу и числу. На наш взгляд, оппозиция форм выражения грамматического и лексического значения в словоформе – важная, но не главная, так же как и оппозиция изменяемых и неизменяемых имен. Главная находится в плане содержания и обусловлена увеличением удельного веса примыкания, понимаемого в широком смысле как связь по смыслу. Разумеется, усиление позиций неизменяемости в русском языке коррелирует с усилением примыкания и маркирует тенденцию к аналитизму. Неслучайно неизменяемые существительные и прилагательные вслед за М. В. Пановым [Панов 1999: 152–162] часто называют

¹¹ Панова Г. И. Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. М.: КомКнига, 2010. С. 286.

аналитическими¹². Но по большому счету эти признаки вторичны. Так, словоформы имен собственных во фразах *Мы сидели в кафе «Весна»* и *Мы сидели в кафе «Рандеву»* идентичны с функционально-морфологической точки зрения, хотя имена *весна* и *рандеву* контрасты по признаку материальной изменяемости. В обоих случаях мы имеем дело с примыкающим номинативом [Селезнева 1972], который и является внутренним проявлением тенденции к аналитизму, и суть в приведенных примерах – не в номинативе, а в примыкании. Имеем ли мы дело с примыканием в случаях типа *Подъезжаю к Кемерово / к Кемерову, в городе Кемерове / Кемерово?* Предлог в первой фразе управляет дательным падежом и функционально зависимое существительное стоит именно в дательном падеже. Полагаем, что речь должна идти о разной степени примыкаемости и аналитичности и о том, что шкалу измерения таковой степени теоретикам морфологии еще предстоит разработать.

В этой связи заметим, что отражением недостаточной разработанности названного вопроса является многообразие терминов, которыми ученые называют имена с материально невыраженными окончаниями¹³: синтаксические [Грацианская 2007; Пешковский 2001; Радзиховская 2018], морфологически ущербные [Кнорина 1980], морфологически оголенные [Панов 1999: 265], неизменяемые слова, стоящие вне склонения [Шанский, Тихонов 1987], аналитические¹⁴ [Виданов, Кудашкина 2015; Лекант 2015; Родионова 2017], неграмматические¹⁵ [Волошина 2019; Фортунатов 2023]. Остаются до конца не квалифицированными как само понятие несклоняемости, так и средство его выражения; здесь также наблюдается разнотерминология: несклоняемые слова или слова, склоняемые по особому (нулевому) типу склонения, слова с нулевыми окончаниями во всех падежных формах или слова без окончаний. В значительной мере дискуссии на эту тему носят металингвистический характер, являясь спорами о словах и определениях, но не о самих явлениях [Бринев 2023: 9–13]. Предлагаем факт материальной неизменяемости имен квалифицировать как двусторонний. В детерминирующей словоформе (лексеме) выделяются план

содержания – ее внутренний синтагматический инвариант [Перцов 2001] – и план выражения, который «сдвинут» в синтагматически детерминируемую словоформу. Поиски модели в данном направлении находим в статье [Приорова 2010], автор которой синтагматический инвариант разделяет на согласовательный и управленческий подварианты.

Заключение

Морфологическая система русского языка – хорошо развитая и активная подсистема в структуре языка, выполняющая связующую роль между лексической и синтаксической подсистемами. В содержательном (функциональном) плане ее функционирование и устройство определяет коммуникативная функция, последовательно (обязательно, регулярно и стандартно) проявляющаяся в синтагматике, где обслуживает управление и согласование. Поэтому морфологическая система является жесткой подсистемой, т. к. управление требует определенной (обязательной) падежной формы управляемых слов (недопустимо *для березу*), а согласование – обязательной родовой и числовой формы от согласуемых слов (недопустимо *белое березы*). В плане материального выражения главным признаком синтетизма в морфологической системе является выражение лексического и грамматического значения в одной словоформе. Русский язык является языком синтетического типа, т. к. его морфологическая система является преимущественно именно таковой. Тенденция к аналитизму – прежде всего содержательная категория, ее содержание – синтагматическое; данная тенденция определяется борьбой и единством противоречий в антиномии согласования и управления, с одной стороны, и примыкания – с другой.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

¹² Там же. С. 119, 131. Отметим, что М. В. Панов использует термин *аналит-прилагательные* [Панов 1999: 162].

¹³ Об этом см. подробнее [Приорова 2010].

¹⁴ Панова Г. И. Морфология русского языка...

¹⁵ Неграмматический. In: Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 256.

Литература / References

- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: ЯСК, 2005. 624 с. [Bondarko A. V. *Theory of morphological categories and aspectology*. Moscow: IaSK, 2005, 624. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbbtnd>
- Бопп Ф. Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого. *История языкознания: XIX – 1-я половина XX в.*, сост. З. И. Резанова. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2017. Ч. 1. С. 16–22. [Bopp F. A comparative grammar of the Sanskrit, Zend, Greek, Latin, Lithuanian, Gothic, German, and Slavonic languages. *History of linguistics: XIX – 1st half of the XX century*, comp. Rezanova Z. I. 3rd ed. Moscow: Flinta, 2017, pt. 1, 16–22. (In Russ.)]
- Бринев К. И. Эссенциалистские теории значения: когнитивная теория категоризации и теория прямой референции. Барнаул: Пять плюс, 2023. 203 с. [Brinev K. I. *Essentialist theories of meaning: cognitive theory of categorization and theory of direct reference*. Barnaul: Piat plus, 2023, 203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bemqgg>
- Виданов Е. Ю., Кудашкина А. Ю. Аналитизм в синтаксической системе современного русского языка. *Казанская наука*. 2015. № 11. С. 134–136. [Vidanov E. Yu., Kudashkina A. Yu. Analytism in the syntax of the modern Russian language. *Kazan Science*, 2015, (11): 134–136. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vbcdxj>
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 640 с. [Vinogradov V. V. *Russian language (grammatical teaching about the word)*. Moscow: Vyssh. shk., 1986, 640. (In Russ.)]
- Волошина О. А. Учение Ф. Ф. Фортунатова о частях речи в русском языке. *Русский язык в школе*. 2019. Т. 80. № 3. С. 76–81. [Voloshina O. A. F. F. Fortunatov's concept about the parts of speech in the Russian language. *Russian Language at School*, 2019, 80(3): 76–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-3-76-81>
- Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. 2-е изд. М.: URSS, 2004. 158 с. [Golev N. D. *Antinomies of Russian orthography*. 2nd ed. Moscow: URSS, 2004, 158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrbdzh>
- Голев Н. Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект. *Вопросы лексикографии*. 2019. № 16. С. 113–137. [Golev N. D. A modern dialect vocabulary discourse dictionary (based on Runet materials): an innovative lexicographic project. *Voprosy Leksikografii*, 2019, (16): 113–137. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22274200/16/7>
- Голев Н. Д. Статус и место асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. Статья 2. Системно-структурный, функциональный и генетический факторы. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-1. С. 205–211. [Golev N. D. Non-semantic elements' status and rank in the morphoderivational word structure. Paper 2: Systemic and structural, functional and genetic factors. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-1): 205–211. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxxcpl>
- Голев Н. Д., Григорьева О. С. О дискурсообразующей роли модуса в коммуникативном процессе (на материале преобразований научного текста в учебный). *Критика и семиотика*. 2022. № 2. С. 71–90. [Golev N. D., Grigorieva O. S. On the discourse-forming role of the mode in the communicative process (based on the material of transformations of a scientific text into an educational one). *Kritika i Semiotika*, 2022, (2): 71–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-2-71-90>
- Грацианская Р. Н. Синтаксическая система А. М. Пешковского в кратком изложении. *Русский язык*. 2007. № 22. [Gratsianskaia R. N. A. M. Peshkovsky's syntactic system in a brief summary. *Russkii iazyk*, 2007, (22). (In Russ.)] URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200702205&ysclid=llg98juh7y568049396> (accessed 15 Jul 2023).
- Демьянков В. З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. М.: МГУ, 1994. 206 с. [Demyankov V. Z. *Morphological interpretation of the text and its modeling*. Moscow: MSU, 1994, 206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rxtbvxx>
- Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с. [Jespersen O. *The philosophy of grammar*. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1958, 404. (In Russ.)]
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с. [Zaliznyak A. A. *Russian nominal inflection*. Moscow: Nauka, 1967, 370. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/voostd>
- Звегинцев В. А. Тезисы Пражского лингвистического кружка. In: Звегинцев В. А. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. М.: Просвещение, 1965. Ч. II. С. 123–140. [Zvegintsev V. A. Theses of the Prague Linguistic Circle. In: Zvegintsev V. A. *History of linguistics of the XIX and XX centuries in essays and extracts*. Moscow: Prrosveshchenie, 1965, pt. II, 69–85. (In Russ.)]

- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. 3-е изд., стер. М.: УРСС, 2004. 215 с. [Katznelson S. D. *Typology of language and speech thinking*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2004, 215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrgprx>
- Кнорина Л. В. Свойство иероглифичности и его влияние на употребление слова. *НТИ. Сер. 2*. 1980. № 10. [Knorina L. V. The property of hieroglyphicity and its effect on the word usage. *NTI. Ser. 2*, 1980, (10). (In Russ.)] URL: <http://lidiaknorina.narod.ru/svoystvo.htm> (accessed 15 Jul 2023).
- Колмогорова А. В., Чистова Е. В., Мартынюк К. В., Уканаква Н. В., Радевич В. В., Варламова О. Н., Мжельских М. К. Ризоморфный клубок: когниция vs коммуникация. Красноярск: СФУ, 2017. 251 с. [Kolmogorova A. V., Chistova E. V., Martynyuk K. V., Ukanakova N. V., Radevich V. V., Varlamova O. N., Mzhelskikh M. K. *Rhizomorphic tangle: cognition vs communication*. Krasnoyarsk: SFU, 2017, 251. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ysjtpj>
- Копелиович А. Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса. Владимир: ВлГУ, 2011. 156 с. [Kopeliovich A. B. *Some controversial issues of word formation and syntax*. Vladimir: VLSU, 2011, 156. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwuwr>
- Кривоносов А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (философские основы теоретической грамматики). М.-Нью-Йорк: ЧеРо, 2001. 846 с. [Krivonosov A. T. *The system of word classes as a reflection of the structure of linguistic consciousness (philosophical foundations of theoretical grammar)*. Moscow-NY: CheRo, 2001, 846. (In Russ.)]
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: ЯСК, 2004. 560 с. [Kubryakova E. S. *Language and knowledge: Towards the acquisition of knowledge about the language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: IaSK, 2004, 560. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/suqhip>
- Лекант П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке. М.: МГОУ, 2015. 86 с. [Lekant P. A. *The analytical form and the analytical constructions in the modern Russian language*. Moscow: MRSU, 2015, 86. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vhktkh>
- Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с. [Miloslavsky I. M. *Morphological categories of Russian language*. Moscow: Prosveshchenie, 1981, 254. (In Russ.)]
- Милославский И. Г. Морфология. In: Белашапкина В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Новиков Л. А., Панов М. В. *Современный русский язык*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. С. 380–531. [Miloslavsky I. M. Morphology. In: Beloshapkova V. A., Bryzgunova E. A., Zemskaya E. A., Miloslavsky I. G., Novikov L. A., Panov M. V. *Modern Russian language*. 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1989, 380–531. (In Russ.)]
- Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л.: Наука, 1985. 299 с. [Pavlov V. M. *The concept of lexeme and the problem of relations between syntax and word formation*. Leningrad: Nauka, 1985, 299. (In Russ.)]
- Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука; ЯПК, 1999. 275 с. [Panov M. V. *Positional morphology of the Russian language*. Moscow: Nauka; IaRk, 1999, 275. (In Russ.)]
- Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: ЯПК, 2001. 280 с. [Pertsov N. V. *Invariants in Russian inflection*. Moscow: IaRk, 2001, 280. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pxnno>
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: ЯСК, 2001. 544 с. [Peshkovsky A. M. *Russian syntax in scientific coverage*. 8th ed. Moscow: IaSK, 2001, 544. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sumdbf>
- Приорова И. В. Явление несклоняемости в русском языке и специфика его обозначения. *Гуманитарные исследования*. 2010. № 1. С. 101–107. [Priorova I. V. The phenomenon of indeclinability in the Russian language and the specifics of its designation. *Gumanitarnye issledovaniia*, 2010, (1): 101–107. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/muyfbh>
- Радзиховская В. К. Морфология современного русского языка: вводный курс. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2018. 121 с. [Radzikhovskaia V. K. *Morphology of the modern Russian language: An introductory course*. 4th ed. Moscow: Flinta, 2018, 121. (In Russ.)]
- Реформатский А. А. Введение в языкознание. 5-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2018. 536 с. [Reformatsky A. A. *Introduction to linguistics*. 5th ed. Moscow: Aspekt Press, 2018, 536. (In Russ.)]

- Родионова И. Г. Аналитические конструкции с выделительно-усилительной частицей *сам* в современном русском языке. *Рациональное и эмоциональное в русском языке*: Междунар. науч. конф. (Москва, 24–25 ноября 2017 г.) М.: МГОУ, 2017. С. 127–130. [Rodionova I. G. Analytical constructions with an excretory-amplifying particle *сам* in modern Russian. *Rational and emotional in the Russian language*: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, 24–25 Nov 2017. Moscow: MRSU, 2017, 127–130. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yspizb>
- Сахарный Л. В. Человек и текст: две грамматики текста. In: Битенская Г. В., Богуславская Н. Е., Гиниатуллин И. А., Кожевникова Н. А., Майданова Л. М., Матвеева Т. В., Мурзин Л. Н., Сахарный Л. В., Сиротинина О. Б., Чернухина И. Я. *Человек – текст – культура*. Екатеринбург: Полиграфист, 1994. С. 7–59. [Sakharny L. V. Man and text: two grammars of the text. In: Bitenskaya G. V., Boguslavskaya N. E., Giniatullin I. A., Kozhevnikova N. A., Maydanova L. M., Matveeva T. V., Murzin L. N., Sakharny L. V., Sirotinina O. B., Chernukhina I. Ya. *Man – text – culture*. Ekaterinburg: Poligrafist, 1994, 7–59. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wznbfd>
- Селезнева Л. Б. Примыкающий номинатив в системе географических собственных имен русского языка (на материале газет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1972. 20 с. [Selezneva L. B. *Adjacent nominative in the system of geographical proper names of the Russian language in newspapers*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Irkutsk, 1972, 20. (In Russ.)]
- Синько Л. А. Местоимение в синтаксической системе: основные функции. *Известия Российской государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 71. С. 80–88. [Sinko L. A. Pronoun in the syntactical system: principal functions. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, (71): 80–88. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jvxxtj>
- Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1972. 294 с. [Solntsev V. M. *Language as a system-structural education*. Moscow: Nauka, 1972, 294. (In Russ.)]
- Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. М.: Юрайт, 2023. 165 с. [Fortunatov F. F. *Comparative linguistics*. Moscow: Iurait, 2023, 165. (In Russ.)]
- Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М.: КомКнига, 2005. 232 с. [Chomsky N. *Cartesian linguistics. A chapter in the history of rationalist thought*. Moscow: KomKniga, 2005, 232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qryast>
- Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Ч. 2: Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1987. 256 с. [Shansky N. M., Tikhonov A. N. *Modern Russian language. Pt. 2: Word formation. Morphology*. Moscow: Prosveshchenie, 1987, 256. (In Russ.)]